

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

ЭТАПЫ, ВЕХИ И ПАРАДОКСЫ БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЯ (К постановке вопроса)

Михаил Бирман

В процессе становления бициллиеведения как самостоятельной комплексной и междисциплинарной ветви гуманитарных знаний я различаю три условных этапа или стадии.

Первая стадия — зачаточная или эмбриональная. Хронологически она — самая протяжённая: охватывает период прижизненных публикаций о П. М. Бицилли (рецензий, заметок о нём и откликов о его творчестве) его современников, а также и период последующего неполного 40-летия (после кончины ПМБ в 1953 г.) до начала 90^х годов.

Вторая стадия начинается с рубежа конца 80^х — начала 90^х годов, когда в России, Украине (в Одессе — родине ПМБ), а также и в Болгарии, второй его родине (здесь он прожил в эмиграции без малого 30 лет) и в других странах Центральной и Юго-восточной Европы (ЦЮВЕ) произошло падение коммунистических режимов. И с этого момента начинается «возвращение Бицилли» из забвения — в поле нарастающего внимания мира науки и культуры в названных странах. Эта фаза ознаменовалась пробуждением там подлинного интереса к переизданию трудов ПМБ и подступами к их изучению. Она продолжалась в течение всех 90^х годов минувшего века.

Наступление XXI века совпало с появлением новых тенденций в научно-издательской сфере названных стран. В своей совокупности эти тенденции (о них ниже) дают, я полагаю, основания заявить о начале новой фазы — фазы кристаллизации особой междисциплинарной ветви гуманитарных знаний — бициллиеведения.

Попытаюсь далее охарактеризовать коротко особенности каждой из названных трёх фаз в отдельности. Ограниченный рамками обзорной статьи, я вынужден здесь сосредоточиться лишь на некоторых, наиболее значительных вехах, ведущих тенденциях и персоналиях, и их важнейших трудах. Более обстоятельная и разносторонняя характеристика возникновения и

развития бициллиеведения, особенностей и парадоксов рецепции наследия ПМБ в отдельных регионах и странах будет развёрнута в подготавливаемом очерке «Контурсы бициллиеведения».

Уже первые крупные труды молодого доцента (вскоре экстраординарно-го профессора) университета Одессы — «Салимбене...» (1916) и «Элементы средневековой культуры» (1919) — не остались без внимания специалистов как местных, так и столичных и зарубежных: рецензии были опубликованы в изданиях Одессы, Москвы и в Италии. Однако урожаем откликов на появившиеся в период войн труды был невелик, так как общая обстановка не благоприятствовала оживлённым научным дискуссиям по проблемам далёкого античного и средневекового прошлого.

Гораздо большим вниманием были встречены некоторые труды ПМБ, напечатанные в 20-30^е годы, в период его жизни в эмиграции в Болгарии. Наиболее значительный (и числом, и авторитетом именитых фамилий) контингент рецензентов был у двух оригинальных и разнонаправленных по исследовательской проблематике книг. Изданные в 1925 г. «Очерки теории исторической науки» привлекли в качестве рецензентов Н. И. Бахтина, А. А. Кизеветтера, И. М. Хераскова и Д. И. Чижевского. На вышедшие год спустя «Этюды о русской поэзии» откликнулись Г. В. Адамович, Ю. И. Айхенвальд, В. В. Вейдле, М. Л. Гофман, М. О. Цетлин, Д. С. Святополк-Мирский и др.

В последующие годы появилось немало число новых рецензий, заметок и откликов иного рода на непрерывно публиковавшиеся находившимся в фазе творческого подъёма Петром Михайловичем труды. Резонанс на каждый из них в отдельности был, как правило, не столь впечатляющим, как на книги середины 20^х годов. Сказывались различные обстоятельства и причины (о них иногда лишь намёком).

На изданные в Болгарии (и на болгарском языке) книги «Увод в изучаването на новата и най-новата история» (София, 1927, 1993) и «Основни насоки в историческото развитие на Европа» (С., 1940, 1993) откликнулись лишь отдельные болгарские специалисты.

Более широкие отзвуки снискали обнародованные в начале 30^х годов в Софии, но на русском языке, книги по истории русской литературы [«Хрестоматия по истории русской литературы», ч. 1-2. С., 1931-1932; «Краткая история русской литературы», ч. 2, С., 1934]. Известные литературоведы и критики такие как Г. В. Адамович, В. В. Вейдле, Г. Ф. Волошин, М. Г. Горлин, Н. К. Кульман, К. В. Мочульский, Н. А. Оцуп, П. М. Пильский и др. одобрительно отозвались на публикацию в Софии столь необходимых и доброкачественных пособий для преподавания русской литературы в эмиграции.

В то же время многочисленные исследовательские работы ПМБ 30-40 годов: монографии, статьи в специальных научных периодических, полуперио-

дических изданиях и юбилейных сборниках (они охватывали едва ли не все области гуманитаристики), как правило, не обрели тогда своевременного сколько-нибудь вдохновляющего внимания. Между тем только в формате ежегодников историко-филологического факультета университета в Софии (ПМБ был его профессором непрерывно в 1924-1949 гг.) отпечатано 12 монографий (11 — при жизни профессора и одна вышла посмертно). Упомянутые монографии посвящены самым разным проблемам [«Жан-Жак Руссо и демократия» (в отличие от всех остальных, опубликованных на русском, она была издана на французском; позже, в 2003 г., переведена на болгарский); «Место Ренессанса в истории культуры»; ряд работ о фольклоре, о характере и различных особенностях развития русского литературного языка, о проблемах творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова)]. Самая крупная из них — «Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа». (С., 1942), отпечатанная, как и все другие, также и отдельным оттиском, имела облик и все фактические признаки значительной книги.

Названные монографии, изданные, как отмечалось, на русском языке в Софии, преимущественно накануне и в военные, и послевоенные годы, не только не получили достойного признания, но многие из них вообще не удостоились рецензий (в канун и в годы войны ряд научных изданий перестали выходить). Лишь монография о месте Ренессанса в истории культуры была высоко оценена в журнале «Современные записки» В. В. Вейдле.

В целом, несмотря на чрезвычайно неравномерное, выборочное внимание к трудам ПМБ, массив рецензий и откликов на его творчество был при жизни автора довольно значительным. И хотя ни о каком бициллиеведении (в связи с только что упомянутым обстоятельством) говорить не приходится, следует констатировать: с точки зрения науки (прежде всего историографии) этот массив остаётся пока не исследованным объектом. И заслуживает, на мой взгляд, специального целенаправленного изучения. Полагаю, к примеру, упущением авторов успешных исследований В. Забугина по поводу медиэвистических трудов ПМБ (напомню, что Забугин опубликовал в начале 1920^х гг. в научных изданиях Италии три объёмных критических статьи о творчестве Бицилли).

Уход из жизни в 1953 г. П. М. Бицилли мало что изменил в наметившейся несколькими годами ранее в обстановке прокоммунистического режима в Болгарии тенденции к очернению и замалчиванию творчества Бицилли. Это корреспондировало с давно утвердившимся в СССР табуированием наследия русских эмигрантов. И предвещало, казалось, полное забвение трудов Бицилли.

Однако, в пору, когда даже в издававшихся в СССР академическим институтом библиографиях о русской художественной литературе XIX века составители остерегались включать работы «белоэмигранта» Бицилли, на-

шлись страны на Западе (здесь мы констатируем очевидный парадокс), где постепенно вызревают условия для републикации и переводов оригинальных и новаторских исследований ПМБ.

Именно в США и Западной Германии, в обстановке возросшего в послевоенную эпоху интереса к России и её культуре возникают центры и специалисты (кроме «советологов» — адептов холодной войны), которые проявляют подлинный и живой интерес к достижениям учёных зарубежной России (в том числе к трудам ПМБ). Пробуждению в США и Германии внимания к Бицилли, полагаю, содействовали русские слависты В. М. Сечкарёв, Д. И. Чижевский, Р. О. Якобсон и др., преподававшие на то время в западных университетах. И здесь мы сталкиваемся ещё с одним парадоксальным обстоятельством: известно, что ПМБ сложился поначалу как историк-медиевист, опубликовавший в этой области значительные, переизданные в наше время труды. Между тем на Западе о нём сложился миф как о филологе (по преимуществу). Этому, видимо, способствовали и названные выше слависты, почти не осведомлённые о трудах Бицилли в области истории. Далее я прерываю своё повествование экскурсом о трёх персоналиях, действовавших в основном в рассматриваемые 50-80^е годы. Именно они заложили первые и основательные кирпичи в будущее здание бициллиеведения.

О двоих из первых пионеров бициллиеведения я уже напечатал статьи. Мне придётся здесь в сжатом виде напомнить об их вкладе в деле собиранья, библиографической систематизации, издания и популяризации трудов П. М. Бицилли.

Начну с первой по хронологии персоны, ставшей фактически пионером в бициллиеведении (к тому же речь идёт о даме — *ladies first*). Бывшая ученица ПМБ в гимназии и его студентка на Высших женских курсах Нина Лазаревна Гурфинкель (1898-1984) с юных лет прониклась чувством глубокого уважения и благодарности к Бицилли, которого она почитала, считая своим Учителем до конца жизни. Её отец — хороший педиатр, у которого стремились лечить своих детей и полицмейстер Одессы до революции, и руководители Губчека после неё. И когда НЛГ в 1925 году решила уехать в Париж, её, несмотря на суровые порядки, выпустили. С 1925 г. и до конца своих дней НЛГ жили в Париже. Восстановив контакты с Петром Михайловичем, она неоднократно оказывала ему значительное содействие — переводила его работы на французский (ставший ей родным), устраивала их судьбу в изданиях Парижа (не всегда дела шли гладко), инициировала новые проекты издания трудов мэтра на Западе.

Вторым по времени пионером бициллиеведения (в плане создания библиографии трудов ПМБ он был первым) стал князь Андрей Павлович Мещерский (1915-1992). Зять ПМБ, по профессии — библиограф, он сра-

зу же после кончины тестя разобрал его личный архив, навёл порядок в его библиотеке и занялся составлением библиографии его трудов; частично ему помогала его жена, дочь ПМБ Мария Петровна, в первую очередь тем, что полностью доверила ему всё; и хотя через несколько лет семья их распалась, в делах, связанных с разборкой архива и библиотеки, всё оставалось, как и прежде, в ведении АПМ. В продолжении всей жизни АПМ систематически и упорно пополнял рукопись библиографии, переписываясь со специалистами. И по этой причине в частных и официальных архивах встречаются разные варианты этой рукописи библиографии работ ПМБ (она так и не была опубликована в том виде, в каком её составил АПМ). В последние годы жизни АПМ много помогал консультациями, документами из своих «залежей» при издании трудов Бицилли (об этом, позже).

Особый разговор пойдёт о третьем, пока менее известном в бициллиеведческой литературе, пионере бициллиеведения. Он из другого поколения; и в настоящее время благополучно здравствует, проживая на положении пенсионера в Германии. Винсент Зивекинг, окончивший университет в Гамбурге, ученик славистов В. М. Сечкарёва и Дитриха Герхарда, приступив в начале 60^х годов к работе в издательстве, остановил свой выбор (в качестве объекта для перевода) на книге ПМБ «Творчество Чехова», что сыграло, по его словам, большую роль в дальнейшем его развитии и судьбе. Работа над переводом книги ПМБ о Чехове была, по его признанию, большой школой для В. Зивекинга. Изданный в 1966 г. в Мюнхене немецкий перевод труда ПМБ не обычен: переводчик подошёл к выполнению своей задачи как исследователь и творческая личность.

Внимательное прочтение изданного в 1966 г. перевода (в совокупности с исследованием всех сопутствующих обстоятельств) приводит к выводу, что В. Зивекинг в изданной книге опубликовал в сущности три бициллиеведческих работы: кроме основного корпуса книги — перевода монографии «Творчество Чехова», в ней содержится в качестве дополнительного приложения (так называемой 12^й главы) перевод отдельной самостоятельной работы Бицилли — «Заметки о чеховском «Рассказе неизвестного человека»». Отдельно отметим, что в книге имеется большая, подготовленная Зивекингом, библиография: она состоит из двух самостоятельных частей: общая библиография литературы о Чехове на разных языках и библиография филологических работ Бицилли (в литературе о ней встречаются ошибочные суждения, говорится, что это якобы компиляция из рукописи А. П. Мещерского; однако внимательное сопоставление названных библиографий приведёт любого непредвзятого читателя к выводу, что библиография Зивекинга — самостоятельная работа).

Одновременно с книгой Бицилли, изданной в Германии Зивекингом, в США появилось факсимильное воспроизведение другого исследования ПМБ о Ф. М. Достоевском. В составе небольшой и скромно оформленной антологии работ русских авторов о Достоевском под своеобразным «русско-

английским» названием (на латинице) «O Dostoevskom: stat`i by Bitsilli and others» (Providens, 1966), была перепечатана монография ПМБ «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (в оригинале — София, 1948).

Между тем изданный в Мюнхене перевод на немецкий язык исследования ПМБ о Чехове (версия В. Зивекинга) вызвал немалый резонанс в странах Запада. На книгу появилось несколько рецензий не только в немецкоязычной периодике, но и в научных журналах США. Через четыре года после её выхода издательство «Ардис» в США (оно специализировалось на выпуске литературы о России) издало фототипическим способом сразу два больших труда П. М. Бицилли — «Этюды о русской поэзии» и «Творчество Чехова» (App Arbor, 1970). Спустя уже 13 лет тем же издательством была выпущена на английском языке названная книга ПМБ о Чехове (под названием «Chekhovs Art: A stylistic analysis»). Перевод был выполнен дуэтом из двух дам. Славистки Тоби В. Климан и Эдвина Круис использовали между прочим при подготовке своего варианта перевода некоторые достижения В. Зивекинга (из немецкого перевода), в частности, они воспроизвели в английской версии сконструированные Зивекингом заголовки к одиннадцати главам (их у Бицилли в русском оригинале не было, он ограничился расчленением большого текста своего исследования лишь одними разделительными звёздочками). Английский перевод книги ПМБ был также встречен одобрительными рецензиями.

В итоге в продолжении сорокалетия 50-80^х годов отдельные труды Бицилли привлекли фактически внимание лишь учёных славистов некоторых стран Запада. Названное обстоятельство уже само по себе ограничивало возможности восприятия многообразного и многодисциплинарного наследия Бицилли (напомним, что по причине недостаточной осведомлённости слависты Запада обращались тогда, и в этом плане мало что изменилось и ныне, лишь к филологическим исследованиям ПМБ).

А главное такое положение лишало исследователей — энтузиастов питательной почвы — соответствующих архивов, книгохранилищ, где были сосредоточены комплекты нужных для исследований изданий и др. Они были сконцентрированы в основном в России, Украине (в Одессе) и в Софии, там, где родился, вырос и позже прожил вторую половину жизни в эмиграции ПМБ.

Положение изменилось на рубеже 80^х — начала 90^х годов. В результате падения коммунистических режимов в СССР, Болгарии и во всём регионе возникли нормальные условия для исследований и в странах, где до этого труды Бицилли замалчивались.

Примечательно, но тут мы сталкиваемся ещё с одним парадоксом: именно в маленькой Болгарии на рубеже 80-начала 90^х г.г. стихийно возникла своеобразная «могучая кучка» — группа в основном разобщённых между собой и разнопрофильных энтузиастов — поклонников творчества Бицилли. Россию, хотя её потенциальные возможности несоизмеримы с болгарскими, софийские энтузиасты поначалу опережали.

Назовём первых болгарских бициллиеведов 90^х годов. Снова в этом ряду всплывает имя А. П. Мещерского (хотя он представлял в Софии русскую культуру): его заслуги в деле популяризации и отчасти издания трудов ПМБ (об этом чуть ниже) неоспоримы. Вспомним созданную им ещё в 50^е годы библиографию трудов ПМБ, хотя и в рукописном виде, она, поступив в библиотеки Софии, отчасти и Москвы, послужила специалистам в Болгарии (и не только). Много помогал АПМ первым энтузиастам в начале 90^х консультациями, предоставляя в их распоряжение книги и отдельные рукописи Бицилли (преждевременная кончина в 1992 г. прервала его деятельность). Именно его знания и личный архив помогли троице молодых филологов (Т. Галчева, Г. Петкова, Х. Манолаков) подготовить и издать в Софии в 1993г. первый том первого посмертного переиздания избранных историко-культурологических трудов ПМБ на русском языке.

В том же 1993 году по инициативе известного болгарского историка проф. Андрея Пантева (и с его предисловиями) были републикованы фототипическим способом две упоминавшиеся ранее вышедшие в Софии книги на болгарском языке — «Увод в изучаването на новата и най-нова история» и «Основни насоки в исторического развитие на Европа».

Спустя год и ещё годом позже философ по профессии и давний софийский поклонник творчества ПМБ Димитр Дочев подготовил и издал переводы с русского оригинала на болгарский язык трудов Бицилли в формате двух сборных книг: 1. «Европейската култура и Ренесансът» (в её составе кроме упоминавшейся монографии «Место Ренессанса в истории культуры», ещё три работы; одна «Михаил Псел и проблемът за Ренесанса» — ранее не публиковавшаяся, получена от А. П. Мещерского), 2. «Класическото изкуство. Стилони изследвания» — сборный том переводов труда «Творчество Чехова» (в сокращении) и других исследований ПМБ о творчестве Пушкина, Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Среди пионеров бициллиеведения в Болгарии несомненно одной из первых должна быть названа проф. Мария Велева, ученица Христо Гандева (непосредственного ученика ПМБ). Её многолетние занятия историографией органично и успешно продолжились изучением «болгарской судьбы проф. П. М. Бицилли». По её инициативе был издан в 1994 году в Софии в болгарском переводе с её предисловием труд «Очерки теории исторической науки» (изданный в 1925 г. в Праге на русском языке он до сих пор в оригинале, к сожалению, не переиздавался). Годом позже в трёх номерах издающегося в Софии на зап.-европейских языках журнала была впервые опубликована (с более чем полувековой задержкой) ещё одна монография ПМБ о Ренессансе. Эта монография, инициированная Н. Л. Гурфинкель и ею же переведённая ещё перед войной на французский, была в годы войны утеряна. Спустя много лет перевод был найден и под заголовком «La Théâtre de la Renaissance en Italie» дошёл, наконец, до читателей журнала «Bulgarian Historical Review» (1995, № 2, 3, 4).

В России же в первой половине 90^х годов единственной формой ознакомления читателей с наследием Бицилли явились перепечатки его работ в сборниках, альманахах и периодике. В журналах («Русская литература», «Русская речь», «Вестник РАН», «Известия РАН. Серия литература и язык», «Дружба народов», «Литературное обозрение», «Новое время», «Родина», «Рубежи» и др.) были напечатаны многочисленные отдельные и небольшого объёма сочинения ПМБ. В итоге было обнародовано ориентировочно свыше двух десятков его оригинальных и блистательных статей и эссе.

Несколько позже основного массива журнальных перепечаток, познакомивших с Бицилли фактически впервые многих (если не большинство) представителей научного сообщества России, появились и републикации солидных и объёмных произведений. В 1995 и 1996 г.г. в СПб под редакцией и с предисловием одного из первых бициллиеведов в России специалиста по историографии Б. С. Кагановича изданы две книги — переиздание исследования ПМБ «Элементы средневековой культуры» и сборник из трёх его работ по Ренессансу «Место Ренессанса в истории культуры».

В 1996 г. в Москве с грифом отделения литературы и языка РАН опубликован большой том филологических и культурологических работ ПМБ (с предисловием В. П. Вомперского и его и И. В. Анненковой комментариями). Том содержит ряд значительных произведений ПМБ о характере и особенностях русского языка и литературы, роли фольклора, о творчестве Достоевского, труд «Этюды о русской поэзии». Четыре года спустя был издан ещё один репрезентативный том, и снова сборник филологических и культурологических работ Бицилли, под названием «Трагедия русской культуры» (с предисловием и комментариями М. А. Васильевой): в нём републикованы значительные труды ПМБ о Пушкине, Гоголе, Л. Н. Толстом, Чехове и ряд его других литературоведческих сочинений.

Итоги первого десятилетия переиздания сочинений Бицилли были в целом удачными: в Болгарии они были более впечатляющими по широте охвата проблем из разных областей гуманитаристики; в России книги были опубликованные в меньшем числе, но были подготовлены с более обстоятельными комментариями.

Нельзя не отметить некоторый крен: републикованные тома создали прочную базу для исследования и преподавания (это относится в основном к России) филологических и культурологических дисциплин. Труды же Бицилли по историческому циклу и другим гуманитарным дисциплинам, за некоторыми исключениями, пока мало переиздавались, особенно в России. И ряд книг ПМБ этого цикла, а также большой массив его разноступенчатых работ малого объёма необходимо переиздавать: давно опубликованные на русском и многих других языках преимущественно в мало, а подчас и вовсе в недоступных изданиях, они нуждаются в переводчиках и издателях.

При переиздании некоторые работы Бицилли оказались републико-

ванными дважды и более раз, что свидетельствовало о дефиците информации о предпринимавшихся коллегами усилий, о разобщённости. При подготовке комментариев (отчасти это касается и вступительных статей, в целом содержательных) допущены досадные промахи, упущения и ошибки. Сказалось, видимо, неосведомлённость о соответствующих бициллиеведческих работах, предопределённая отчасти отсутствием библиографии литературы о Бицилли.

Между тем в рассматриваемое десятилетие число публикаций о жизни и творчестве ПМБ мало помалу росло. К энтузиастам, исследователям в столичных городах Болгарии и России, прибавились инициативные одесситы, авторы из Израиля и других стран. В 90^х годах на различные темы о жизненном и творческом пути, об отдельных, на первых порах преимущественно частных вопросах и аспектах творческого наследия учёного с несколькими журнальными публикациями (в изданиях гл. образом России и Болгарии) выступили И. В. Анненкова, М. А. Бирман, М. А. Васильева, М. Велева, В. П. Вомперский, Т. Галчева, К. Делчев, Д. Дочев, Б. С. Каганович, Х. Манолакев, Г. Петкова, Т.Н. Попова, С. Р. Федякин и др.

На этом этапе изучение проблем наследия ПМБ шло в основном не вглубь, а вширь, что, видимо, было неизбежно. Беспрецедентная волна переизданий трудов Бицилли до поры до времени не закреплялась выпуском обстоятельных исследований, посвящённых сколько-нибудь значительным пластам разнообразного наследия учёного.

Вместе с тем в конце десятилетия проявились и первые намёки на оформление постепенно складывающейся самостоятельной комплексной ветви (по началу, скорее ростка) гуманитарных знаний. Одним из таких намёков явилось возникшее в научной литературе самоназвания «бициллиевед» и «бициллиеведение»: в 1998 г. в небольшой статье автора этой работы, в заголовке статьи, посвящённой биографии А. П. Мещерского, прозвучал впервые термин «бициллиевед». Статья обнародована в сборнике к 70-летию великого слависта академика РАН, члена нескольких иностранных академий и научных обществ, почётного доктора ряда университетов Владимира Николаевича Топорова (ныне, увы, покойного), в огромном, более чем 800 стр., томе: в нём приняли участие многие десятки гуманитариев разных специальностей едва ли не всех стран планеты. И, таким образом, термин стал достоянием всего учёного мира гуманитариев.

Год спустя (в 1999 г.) по инициативе проф. Т. Н. Поповой в университете Одессы состоялась историографическая конференция. Она была посвящена 120-летию Петра Михайловича Бицилли: прозвучали доклады инициатора конференции и нескольких преподавателей и аспирантов на различные темы жизни и творчества ПМБ в Одессе. Хотя рефераты, к сожалению, не были выпущены единым блоком (распечатаны они были отдельно, в разных из-

даниях), конференция, несомненно, содействовала популяризации трудов Бицилли, делу институционализации бициллиеведения.

С наступлением XXI века проявились признаки растущего внимания к изучению наследия ПМБ. Одним из его проявлений стали защиты докторской диссертации (Л. А. Сыченковой — Казань, 2001) и нескольких кандидатских, посвящённых частично или полностью бициллиеведческим темам (А. А. Морозов — Омск, 2001; Рудман М. Н. — Уфа, 2002; Н. И. Ашурова — Томск, 2004). Диссертациям, как водится, сопутствовали соответствующие публикации: в них освещались темы исторического синтеза, историко-культурологические и медиевистские достижения в трудах Бицилли. О ПМБ — историке опубликовали большое число разнообразных работ проф. Т. Н. Попова и её ученик, молодой одесский историк Д. А. Шумейко; несколько статей об историко-культурологическом наследии ПМБ напечатал московский культуролог Б. Е. Степанов. Тем самым в исследовательской практике нового века, в отличие от издательской, где выше был отмечен крен в 90^е годы в сторону филологической составляющей наследия учёного, проявилось значительное внимание к некоторым проблемам из цикла исторических знаний.

На карте формирующегося бициллиеведческого ландшафта появляются новые города. На рубеже двух веков и в начале XXI века издания с бициллиеведческими публикациями выходили, по неполным данным, в таких городах: Белгород (здесь и далее в скобках указаны фамилии авторов и годы издания соответствующих публикаций — В. П. Кичигин, 1999); Казань (Л. А. Сыченкова, 2001; М. Н. Рудман, 2002); Калининград (В. И. Повилайтис, 2003); Нижний Новгород (В. А. Левченко, 1998; В. Воропаев, 2003); Омск (А. А. Герасименко, 1998; А. А. Морозов, 2003); Пенза (В. И. Шувалов, 2000); Томск (Н. И. Пичурина, 2001; Н. И. Ашурова, 2004); Царское Село (А. М. Семанов, 1999). Эти факты свидетельствуют о росте популярности наследия П. М. Бицилли, а также признаки нарастающего внимания к освоению его научных достижений.

Между тем в Болгарии, опережавшей в 90^е годы Россию по числу переизданий книг ПМБ, по ряду причин из рядов действовавших бициллиеведов выбыло несколько энтузиастов. По-прежнему проявляла активность Галина Петкова. Она опубликовала неизданную рукопись ПМБ на филологическую тему, его письма к А. Л. Бему и ряд статей. Нельзя не отметить и её инициативу по популяризации творчества учёного; заслуживают внимания, в частности, несколько ее инициатив в рамках Интернета: ею выпущены два диска с трудами Бицилли, откомментированными ею же. Один — «Литературоведческий проект проф. Бицилли» (выбрал 13 преимущественно литературоведческих работ); во втором помещена неиздававшаяся ранее работа «У истоков русской общественной мысли».

Заметным явлением в бициллиеведении стали три вышедшие в Болгарии в канун и в год формально почти не отмеченного, к сожалению, юбилея (ис-

полнявшегося в 2004 г. 125-летия со дня рождения ПМБ). Красимир Делчев философ по образованию, издал два сборника сочинений Бицилли. В книге под названием «Малки творби» (София, 2003) переизданы работы малого и среднего объёма, напечатанные на болгарском языке. В другом сборнике (размером меньше первого) «Нация и култура» (С., 2004) — републикованы переведённые с русского языка на болгарский шесть блистательных, не потерявших свежести работ Бицилли, обнародованных ранее, примерно три четверти века назад, в журнале «Современные записки». В том же году вышла книга Марии Велевой «Българската съдба на проф. П. М. Бицилли», вобравшая все её прежние содержательные, освещавшие некоторые существенные этапы и аспекты жизни и творчества ПМБ в Софии.

В Москве, два года спустя после выхода книги Велевой, издан большой (по объёму превосходящий все предыдущие репрезентативные издания о ПМБ) том сочинений Бицилли. Хотя том и вышел под названием «Избранные труды по средневековой истории», он открыл собою новую, обозначенную на обложке серию — «Классики отечественной филологии». В томе опубликовано много работ, ранее не переиздававшихся. В приложении к сочинениям ПМБ напечатана его подробная биография «Штрихи к портрету учёного» и библиография. Последняя впервые в научной литературе о ПМБ включает новый раздел — библиографию литературы о Бицилли. Названный раздел отвечает насущным потребностям разобщённых бициллиеведов, разбросанных по многим городам и не имеющих, подчас, представления об опубликованных работах коллег по цеху. Тем самым библиография создаёт предпосылки для преодоления разобщённости учёных разных городов и стран.

Через год после выхода названной книги в Москве, в СПб, а затем в Одессе, почти одновременно вышли две книги, принадлежащие авторам, бициллиеведам со стажем. Обе книги подводят итоги бициллиеведческих исследований разных пластов творчества учёного. Б. С. Каганович в книге «Русские медиевисты первой половины XX века» (в посвящённом ПМБ последнем, третьем разделе книги) сосредоточился, преимущественно, на анализе достижений Бицилли в области исследования проблем средневековья и отчасти эпохи Преренессанса и Ренессанса.

Иной ракурс — в книге Т. Н. Поповой «Историография в лицах, проблемах, дисциплинах. Из истории Новороссийского университета». В большом очерке в многопрофильной книге (Бицилли отведено в ней около 120 страниц) автор освещает творческую судьбу учёного в одесский период его жизни и первый этап его пребывания в эмиграции. Обе книги, богатые идеями, наблюдениями и информацией в избранном исследовательском поле, являются бесспорными удачами опытных авторов-исследователей. Они свидетельствуют, что бициллиеведение «выросло из пелёнок» и вступает в новую фазу — фазу творческой зрелости.

В заключении хочу выразить надежду, что проведённый по инициативе одесских бициллиеведов настоящий научный форум, на котором произошёл обмен мнениями и наблюдениями по различным вопросам бициллиеведения, а публикация его материалов самостоятельным блоком, явятся ещё одной ступенью в институционализации новой ветви гуманитарных знаний.